

УДК 304.444

DOI: 10.12737/2306-1731-2024-13-1-24-29

Консенсус как база общественного диалога

Consensus as Social Dialogue Base

Получено: 13.11.2023 / Одобрено: 20.11.2023 / Опубликовано: 25.03.2024

Кальней М.С.

Канд. филос. наук, доцент Института высокотехнологичного права, социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, д. 1, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Kal'ney M.S.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Hi-Tech Law, Social and Humanity Sciences Department, Moscow State Institute of Electronic Engineering, 1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема консенсуса как основы общественного диалога. Необходимым условием консенсуса считается наличие ценностного ядра как общности мировоззренческих установок. Анализируются риски как раскола социальной общности ввиду чрезмерного плюрализма мировоззренческих установок, так и их единообразия, доходящего до тоталитаризма. Отмечается риск трансформации демократии в идеократию ввиду подчинения политической и идеологической повестке всех сторон жизни граждан.

Ключевые слова: демократия, общественный диалог, мировоззренческие установки, ценностное ядро, консенсус, плюрализм, идеократия.

Abstract. The article about problem of consensus as social dialogue basis. Necessary consensus condition is value core as world out-look attitudes community. Author analyses risks of both social community split because of extreme world out-look attitudes pluralism and social uniformity reaching to totalitarian form. Author highlights risk of transformation democracy into ideocracy because of subjection all aspects of civil life to political and ideological agenda.

Keywords: democracy, social dialogue, world out-look attitudes, value core, consensus, pluralism, ideocracy.

Актуальность. Одним из основных признаков текущей социально-политической ситуации является идеологический раскол в западноевропейском и российском социуме. Традиционно правое консервативное и леволиберальное мировоззрения считались взаимодополняющими элементами политической системы, а их диалог — необходимым условием политического процесса. Однако в настоящее время факты общественно-политической жизни указывают на то, что сторонники консервативной и либеральной моделей всё более воспринимают друг друга не столько как партнёров по общественному диалогу, сколько как угрозу социальному идеалу. Соответственно, снижаются возможности мирного и ненасильственного поиска консенсуса в обществе. Необходимо, таким образом, исследовать природу консенсуса как базы общественного диалога.

Методы исследования. Основой для исследования послужили работы К. Поппера, Ф. Хайека, А.А. Зиновьева, П. Розанваллона, в которых рассматривается сущность и природа либеральной демократии. Для выявления природы консенсуса, определяющей идеологическую повестку социаль-

ной общности, использовались труды Т. Гоббса, Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, К. Ясперса, С.Г. Кара-Мурзы. Текущая социальная реальность западноевропейского общества исследовалась с использованием трудов И. Валлерстайна, Ф. Фукуямы, В.Т. Третьякова и других западных авторов.

Анализ результатов. Одной из базовых проблем текущей социальной реальности является всё более явно наблюдающаяся тенденция к снижению возможностей для политического диалога. Сложившаяся со времён установления парламентской демократии интеллектуальная традиция рассматривала одним из преимуществ данной политической системы возможность диалога, компромисса между участниками политических процессов. За счёт этого снижался уровень насилия в обществе как в аспекте подавления властью оппозиционных движений, так и в аспекте противостояния сторонников различных политических течений.

Эту особенность демократического управления отмечает К. Поппер: «Соглашаясь с решением большинства ради того, чтобы демократические институты могли работать, он будет чувствовать себя

вправе оспаривать это решение демократическими средствами и прилагать силы для его пересмотра» [8, с. 131]. Иными словами, демократическая модель гарантирует каждому гражданину право участия в общественно-политическом диалоге. При этом существует механизм достижения компромисса между необходимостью для индивида принять решение большинства и правом индивида добиваться признания и реализации своих прав и интересов. Таким образом, исключаются насильственные действия в отношениях граждан к государственным структурам, репрессивные действия государственных структур по отношению к гражданам, акты насилия в отношениях между различными социальными группами.

Особое значение здесь имеет тот факт, что демократический процесс с неизбежностью предполагает наличие различных социальных групп и необходимость их диалога. Эту особенность отмечает А.А. Зиновьев в работе «Запад. Феномен западнизма»: «Партия нуждается в поддержке какой-то части населения, в голосах избирателей, в средствах. Она должна что-то обещать и какие-то обещания выполнять. Она так или иначе есть партия для какой-то части населения, отдающей ей предпочтение перед другими. Она должна обращаться ко всем, во всяком случае — к возможно широкому кругу избирателей, чтобы собрать в свою пользу голоса тех, кто ей отдает предпочтение» [4, с. 107–108].

Со своей стороны, французский исследователь П. Розанваллон отмечает, что «всеобщее избирательное право автоматически порождает консенсусные и единодушные решения, потому что его цель — определить цену (т.е. ставку) налога и потому что эта цена, как и все другие, необходимым образом приходит к равновесию благодаря механизмам политического рынка. Голосовать — значит в конечном счете выражать спрос на рынке налога. Это преодоление противоречия между принципом большинства и принципом единодушия предполагает, таким образом, ограничение политического поля и сведение его к управлению теми видами деятельности, которые необходимы для реализации экономического интереса каждого индивида (инфраструктуры, образования и т.п.). Политика сводится к налоговой сфере» [9, с. 169].

Таким образом, демократическая система связана с разделением общества на части и их диалогом, тогда как система тоталитарная ставит своим идеалом монолитность общества на базе единой господствующей идеологии. При этом место единой обязательной для всех идеологии, поддерживаемой мерами репрессивного аппарата, в обществе демо-

кратическом занимает консенсус как ценностное ядро общественного диалога. Эту особенность отмечает Ф. Хайек: «Демократические правительства успешно функционировали там, где их деятельность ограничивалась в соответствии с господствующими убеждениями теми областями общественной жизни, в которых мнение большинства проявлялось в процессе свободной дискуссии. Великое достоинство либерального мировоззрения состоит в том, что оно свело весь ряд вопросов, требующих единодушного решения, к одному, по которому уже наверняка можно было достичь согласия в обществе свободных людей» [12, с. 88].

Сходное свойство демократического процесса отмечает К. Ясперс: «В политике речь идёт о том, что в одинаковой степени важно для всех людей — о независимых от содержания веры интересах существования, — о настолько понятном всем людям, что с помощью порядка, права и договора они могут удовлетворить взаимные требования» [13, с. 176].

Близкая к этой позиция выражена у П.И. Новгородцева: «Не гармония будущего человечества, для которого прошлые и настоящие поколения служат лишь подмостками и лесами, а безусловное нравственное сочетание лиц в каждом общественном сочетании и в каждую данную эпоху — вот что является идеальным началом общественности. Известная гармония, известное примирение противоречивых интересов необходимы в общественной жизни. По самой своей идее общегитие предполагает сочетание частных сил в общем стремлении, и в этом смысле представление об общественной гармонии органически входит в самое понятие общения» [7, с. 57].

Иными словами, политическая повестка демократического общества — это мировоззренческий консенсус, на базе которого и возможен диалог между различными социальными группами. В связи с этим необходим анализ природы того ценностного ядра, на базе которого происходит мирный и ненасильственный общественный диалог.

Общепринятой является та точка зрения, согласно которой в социальной системе существует исторически сложившийся устойчивый набор представлений об основных законах социального бытия, допустимых и недопустимых социальных действиях, а также мотивирующих установках к действию. Эти мировоззренческие позиции оказывают влияние на представления о сущности человека, соответствующих ей правилах и нормах социального управления. Кроме того, эти установки структурируют исторический процесс, выделяя в нём наиболее

значимые события и тенденции исторического развития.

В аспекте политических процессов данные установки проявляются в представлениях о нормах и целях социальной общности, распределении ролей и вознаграждений внутри социальной общности. На базе этих установок возникают представления о свободе, собственности, целях существования государства, а также принципы интерпретации социальных фактов. Вся эта совокупность представлений и служит базой для текущей политической повестки, программ различных политических движений.

Таким образом, ценностное ядро для политического диалога внутри социальной общности — это единство взглядов относительно базовых представлений о природе человека, сущности социальной системы, ценностных установках, нормах поведения. Закономерно предположить, что это ценностное ядро складывается исторически в процессе функционирования и развития социальной общности, а на теоретико-идеологическом уровне оно формулируется и закрепляется в различных формах общественного сознания. Однако общеизвестны такие ситуации, когда политическая или культурная элита формирует и навязывает социуму теоретико-идеологический конструкт, противоречащий сложившимся закономерностям социального бытия. В этих случаях принято говорить об утопических проектах, которые либо не реализуются, либо приводят к результатам, противоположным ожиданиям, либо служат идеологическим средством легитимации исторически сложившихся принципов функционирования социальной системы. В двух последних случаях тоталитарные проекты, навязываемые силой утопический идеал, противопоставляются демократической системе, с её принципами общественного диалога на базе исторически сложившегося консенсуса.

При этом вопросы мировоззрения выводятся из сферы государственного и политического регулирования, тогда как их подчинение политической повестке означает тоталитаризм. Пример таких представлений обнаруживается у Н.А. Бердяева в работе «Царство Духа, царство кесаря»: «Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица. А когда оно начинает слишком интересоваться человеком, то это самое плохое, оно начинает поработать не только внешнего, но внутреннего человека, между тем, как Царство Духа не может вместиться в царство кесаря. Дух бесконечен и устремлён к бесконечности. Кесарь же конечен и

хочет наложить на дух печать своей конечности» [1, с. 771].

Иначе говоря, философ противопоставлял сферу духовного, к которой относятся и мировоззренческие позиции, сфере общественно-политической. Специфика духовной сферы требует выведения мировоззренческих позиций за пределы государственного регулирования. Особое значение при этом имеет тот момент, что Н.А. Бердяев признавал существование в сфере духовного одной объективно истинной мировоззренческой позиции, которая и может служить основанием творческой свободы личности.

Иной позиции придерживался Т. Гоббс, который утверждал, что «внутренняя вера по самой своей природе невидима и изъята из человеческой подсудности, между тем как проистекающие из неё слова и действия, являющиеся нарушением нашей обязанности гражданского повиновения, представляют собой беззаконие по отношению к Богу и человеку» [3, с. 414]. С точки зрения английского философа-материалиста, мировоззренческие установки индивида относятся к сфере нематериального и в этом качестве не поддаются государственному контролю и регулированию, но государство вправе и обязано контролировать внешнее поведение индивида в аспекте соответствия тем мировоззренческим позициям, которые определены государством как неотъемлемые составляющие установленной властью идеологии.

Общеизвестно, что позднее в теориях общественного договора этот подход трансформировался в принцип свободы вероисповедания при обязательной лояльности гражданским законам и установлениям. Однако следует отметить, что поздний советский опыт наглядно показал расхождение между требуемой властью демонстрацией лояльности официальной идеологии и распространением в социуме противоречащих ей мировоззренческих установок. Это расхождение считается одной из причин распада советской системы.

Таким образом, разделение сфер мировоззренческих установок и идеологической повестки приводит к риску раскола социальной общности в аспекте противоречия декларируемых идеологических догм ценностным установкам социальной общности, что также опасно для существования социальной системы.

Следовательно, существует проблема определения той степени, в которой консенсус не трансформируется в тоталитаризм, а плюрализм не приводит к расколу социальной общности. Снятием этого

противоречия могло бы служить разделение мировоззренческих вопросов и политической повестки. Это разделение требует сохранения в социуме единого подхода к мировоззренческим установкам, составляющим ценностное ядро культуры при разнообразии политических и идеологических направлений.

Особенно важное значение здесь имеет тот момент, что этот единый подход не навязывается как утопический проект, разработанный интеллектуальной элитой и поддерживаемый репрессивными и манипулятивными мерами. Консенсус как основа единства ценностного ядра культуры заключается в том, что содержание этого ценностного ядра складывается исторически в процессе жизнедеятельности социума и поддерживается большинством представителей социальной общности. При этом предполагается, что ценностные установки содержат в себе элементы, соответствующие интересам представителей социальной общности.

В связи с этим следует отметить, что текущая социальная реальность выявила некоторые противоречия такого подхода. С одной стороны, существование различных политических идеологий на базе единого мировоззренческого подхода приводит к тому, что плюрализм вырождается в единообразие.

К примеру, И. Валлерстайн в своём анализе либеральной идеологии приходит к выводу о том, что противостояние идеологий фактически трансформировалось в консерватизм и либерализм, как две разновидности либерализма, а социализм, который американский социолог рассматривает в связи с тоталитарными проектами, также оказывается превращённой формой либерализма [2, с. 86–90]. Также Ф. Фукуяма, рассматривая текущую социально-политическую ситуацию в США, выделяет четыре направления американской внешней политики: неоконсервативное, либеральное, «реалистическое», «правое». При этом все эти направления разделяют общие представления о «благодетельной гегемонии» США и неэффективности международных институтов, а также социального строительства [11, с. 88]. Сходным образом В.Т. Третьяков отмечает, что «манипулятивная (прежде всего, через институты массовой культуры и СМИ, а также благодаря монолитности формально двухпартийной элиты) составляющая западной демократии всё нарастает и нарастает. Многопартийность практически повсюду выродилась в двухпартийность, а последняя — в разноокрашенную однопартийность. Западные общества тотальны (культурно, психологически, идеологически), а отсюда один шаг до тоталитарности»

[10, с. 68–69]. Таким образом, базовый консенсус, несводимый к одной только политической повестке, приводит к стиранию базовых различий между политическими идеологиями, что и приводит к вырождению плюрализма в тоталитарность.

С другой стороны, существенные расхождения мировоззренческих и идеологических позиций порождают раскол общества, зачастую угрожающий сохранению социальной системы. В частности, в Западной Европе и Северной Америке последние годы наблюдается не столько вырождение демократического плюрализма в тоталитарность, сколько раскол общества.

В исследовании, посвящённом росту социальной изоляции в американском обществе, одним из факторов изоляции признаётся рост идеологической поляризации. В её условиях беседа на политические темы вызывает риск конфликта. Вследствие этого люди склонны обсуждать политические темы с политическими единомышленниками, а вне их круга ограничивать общение набором тем, не касающихся политики (например, погода) [14, с. 9]. Эта тенденция указывает на латентную фазу конфликта, для которой характерно отрицание, замалчивание проблемы. Также западные исследователи отмечают тенденцию индивидов формировать свою собственную информационную среду с отбором того содержательного контекста, который обеспечивает потребителю психологический комфорт [15, с. 319].

Иными словами, вместо стирания различий между правой и левой идеологическими моделями наблюдается их поляризация. Начальной её стадией был уход от общественного диалога, изоляция социальных групп в своей собственной информационной среде, обеспечивающей единообразие идеологических позиций. Однако ряд провоцирующих инцидентов привёл к обострению общественного противостояния, в котором сторонники оппозиционной идеологии воспринимаются не как партнёры по общественному диалогу внутри единой социальной общности, а как враги социальной системы, по отношению к которым требуется дискриминация или уничтожение. Эта последняя тенденция особенно явно наблюдается в «культуре отмены».

В связи с этим следует отметить тенденцию к трансформации демократического социума в идеократическое. Российский исследователь С.Г. Карамурза отмечал одной из базовых черт идеократии полное отсутствие манипулятивного, скрытого воздействия на сознание. В идеократическом обществе ориентиры и нормы поведения, ценности общества декларируются открыто, воздействие идеологии на

индивидов с целью легитимации политической власти не только не скрывается, но полностью проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества [6, с. 22, 27].

Признавая факт тоталитарности советского идеократического общества, следует обратить внимание на отмеченные И.А. Ильиным особенности тоталитаризма: отсутствие «всей и всякой самостоятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самостоятельности» [5, с. 49]. При этом самостоятельность индивидов трансформируется в выражения «чаяний народа»: «аплодировать высшей власти и помогать ей воплощать в жизнь её мудрые предназначения. Но делать это так и высшая власть должна при этом выглядеть так, будто они независимы друг от друга и по своей воле выполняют какие-то свои функции» [5, с. 188].

Иными словами, на базе утопической концепции разрабатывается идеологический конструкт и декларируется как наиболее соответствующий потребностям индивида и закономерностям естественно-исторического процесса. Этот конструкт внедряется в сознание граждан посредством исключения из политической и культурной повестки всего несоответствующего идеологическим установкам содержания. Аппарат пропаганды выполняет функции активного внедрения идеологических установок в сознание граждан. Эти установки оказывают первоочередное влияние на решения в экономической и хозяйственной сфере. В связи с этим индивид оценивается не столько по своим деловым и профессиональным качествам, сколько по признаку соответствия личности и поведения идеологическим установкам.

Таким образом, российский опыт показал все проблемы и противоречия, связанные с попыткой

реализации утопического проекта и обусловленными этой попыткой тоталитарными практиками. В текущей социальной реальности наблюдаются признаки утопизации проекта либеральной демократии и связанные с этим тенденции трансформации основанного на консенсусе демократического общества в идеократический проект, где общественный диалог вытесняется навязыванием социальной общности идеологических установок превращённого понимания свободы личности.

Выводы

1. Одним из базовых преимуществ парламентской демократии изначально считалось наличие системы социальных институтов для общественного диалога как оптимального средства согласования интересов различных социальных групп.
2. Необходимым условием общественного диалога считалось наличие в обществе консенсуса по базовым мировоззренческим вопросам. Содержательной базой такого консенсуса служит наличие ценностного ядра социальной общности. Содержание ценностного ядра выводится из сферы политической повестки, тогда как её предметом остаются текущие вопросы социального управления.
3. Противоречием подобного подхода оказывается с одной стороны риск трансформации консенсуса в тоталитарное единообразие, с другой — доведение плюрализма до степени раскола общества.
4. Для снятия данного противоречия необходимо учесть тот момент, что ценностное ядро социальной общности служит базой для идеологической повестки в обществе, но тоталитарные тенденции проявляются в случае приоритета идеологических догм над экономической реальностью и их проникновения во все сферы жизни индивида.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея [Текст] / Н.А. Бердяев. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. — 832 с.
2. Валлерстайн И. После либерализма [Текст] / И. Валлерстайн. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
3. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] / Т. Гоббс. — М.: Мысль, 1991. — 731 с.
4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма [Текст] / А.А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 1995. — 461 с.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 2 [Текст] / И.А. Ильин. — М.: Русская книга, 1993. — 496 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2000. — 440 с.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале [Текст] / П.И. Новгородцев. — М.: КРАСАНД, 2010. — 512 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие орakулы [Текст] / К. Поппер. — К.: Ника-центр, 2005. — 800 с.
9. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка [Текст] / П. Розанваллон. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 256 с.
10. Третьяков В.Т. Русская полития XXI века. Электоральный цикл 2007/2008 и очертания будущей государственности [Текст] / В.Т. Третьяков // De futuro, или История будущего /

Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. — М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. — С. 49–83.

11. Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. — 282 с.
12. Хайек Ф. Дорога к рабству [Текст] / Ф. Хайек. — М.: Новое издательство, 2005. — 264 с.

References

1. Berdjajev N.A. Russkaja ideja [Russian idea]. M.: Eksmo; SPb, Midgard, 2005. 832 p.
2. Vallerstain I. Posle liberalizma [After the liberalism]. M.: Editorial URSS, 2003. 256 p.
3. Gobbs T. Levafan ili Materiya, forma I vlast' gosudarstva tserkonnogo I grazhdanskogo [Levafan or Matter, form and power of state civil and clerical]. M.: Mysl', 1991. 731 p.
4. Zinov'ev A.A. Zapad. Fenomen zapadnizma [The West. Zapadnizm phenomenon] M.: Tsentropoligraf, 1995. 461 p.
5. Il'in I.A. Sobranie Sochinenii v 10 tt. T. 2 [Essays at 10 vol. V. 2]. M.: Russkaya kniga, 1993. 496 p.
6. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem [Mind Manipulation]. M.: Algoritm, 2000. 440 p.
7. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale [On Social Ideal]. M.: KRASAND, 2010. 512 p.
8. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1 Chary Platona; T. 2. Vremya lzheprorokov: Hegel, Marks I drugie orakuly. [The Open Society and its Enemies. V. 1 The Spell of Plato. V. 2 The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath]. K.: Nika-tsentr, 2005. 800 pp.
9. Rozanvallon P. Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka [Utopian kapitalizm. Market idea history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 265 pp.
10. Tret'yakov V.T. Russkaya politiya XXI veka. Elektoral'nyy tsikl 2007/2008 i ochertaniya budushshey gosudarstvennosti // De futuro ili Istoriya budushshego [Russian politiya for XXI century. Electoral cycle 2007/2008 and future state features // De futuro or Future History]. M.: Politicheskii klass; AIRO-XXI, 2008, pp. 49–83
11. Fukuyama F. Amerika na rasput'e: Demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie [America at the Crossroads: Democracy, Power and the Neoconservative Legacy]. M.: AST: AST Moskva, 2008. 282 p.
12. Hayek F. Doroga k rabstvu [The Road to Serfdom]. M.: Novoe izdatelstvo, 2005. 264 p.
13. Jaspers K. Smysl I naznachenie istorii [The Sense and Purpose of History]. M.: Politizdat, 1991. 527 p.
14. Byungkyu Lee, Peter Bearman. Important Matters in Political Context // Sociological Science, 2017, vol. 4, pp. 1–30.
15. Pablo Capilla. Post-Truth as a Mutation of Epistemology in Journalism // Media and Communication, 2021, vol. 9, issue 1, pp. 313–322.